

В. А. Туголуков

ЭВЕНКИ-ГАНАЛЬЧИ

(К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПЛЕМЕНИ У ТУНГУСОВ)

Как известно, у тунгусов (эвенков и эвенов) в период их истории со времени присоединения Сибири к Русскому государству племена не выявляются с достаточной степенью надежности. В источниках XVII в. и более поздних употребляются термины *род* и, значительно реже, *волость* (примерно в том же значении).

Никто из дореволюционных авторов не писал о племени у тунгусов. Лишь в труде И. Г. Георги (вторая половина XVIII в.) употребляются термины *род* и *колена*, причем последний воспринимается как адекватный понятию «племя». «Они (тунгусы.— В. Т.) разделяются по восточному обыкновению на колена, а сии на роды,— писал Георги.— Каждый род (Тагаун) производит начало свое от какого ни есть храбростию, силою, изобилием в скоте и детях, а иногда и благоразумием прославившегося родоначальника, называются по его имени, и все в оном находящиеся считаются кровными между собою родственниками. Несколько же таких родов считаются между собою родством по своим родоначальникам, и соединяются потому в колена»¹.

Далее у Георги сказано: «В прежние времена выбирало несколько родов общего себе *Сайзана*; а из числа сих бывал один князьком поколения и назывался *Тоньцоном* и *Тойоном*. Он подобен был в рассуждении власти хану Татарской орды»².

В данном случае Георги явно имел в виду конных, или степных, тунгусов. Однако он не назвал ни одного конкретного «колена», состоявшего из нескольких родов, связанных общностью происхождения. Приводимый им термин *тагаун* соответствует, очевидно, эвенкийскому *тэгэ*, имеющему ряд значений: «род», «племя», «народ»³.

В XVIII—XIX вв. крупные роды конных тунгусов состояли из локальных подразделений, которые иногда находились на таком значительном расстоянии друг от друга, что платили ясак в разные пункты. Эти подразделения русские документы обычно именуют улусами. Во главе улусов стояли князцы, часто называемые зайсанами⁴. Может быть, улусы и имел в виду Георги, описывая родовую организацию тунгусов?

В советское время один из первых исследователей оленных эвенков Подкаменной Тунгуски А. Ф. Анисимов выделил у них три племени —

¹ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей, ч. 3. СПб., 1777, с. 35.

² Там же.

³ «Эвенкийско-русский словарь». М., 1958, с. 417.

⁴ В. А. Туголуков. Конные тунгусы (этническая история и этногенез).— «Этногенез и этническая история народов Севера». М., 1975, с. 95—97.

Куркагир, Панкагир и Чемдаль. Каждое из них подразделялось на две фратрии, а фратрии — на ряд родов. Названием племен и фратрий служило название одного из входивших в них родов. Племя Куркагир состояло, как пишет Анисимов, из девяти родов: четыре принадлежали к фратрии Куркагир, пять — к фратрии Челколь. В племени Чемдаль было также девять родов: пять объединялось фратрией Чемдаль, четыре — фратрией Багдалил. Племя Панкагир включало 10 родов: шесть относились к фратрии Панкагир, четыре — к фратрии Юмнагар⁵.

Анисимов характеризовал эвенкийское племя Подкаменной Тунгуски как организационно оформленную группу родов со своей территорией (хотя и без своего диалекта), племенным советом, состоящим из родовых вождей, верховным вождем племени из числа фратриальных вождей и верховным шаманом из противоположной верховному вождю фратрии. У чемдалей, писал Анисимов, должность племенного вождя была наследственной в роде Чемдаль, а должность племенного шамана — в роде Багдалил⁶.

Б. О. Долгих признавал, что выделенные Анисимовым племена реально существовали, однако, по его мнению, Анисимов «ошибся в распределении родов между племенами и в том, что разделил эти роды в каждом племени на две фратрии, тогда как дуальное фратриальное деление эвенкам Подкаменной Тунгуски, по-видимому, известно не было»⁷.

Мы полагаем, что если бы у подкаменно-тунгусских эвенков действительно существовала такая стройная племенная организация, какой ее рисует Анисимов, она несомненно была бы замечена русской администрацией. Однако ни в XVII в., ни позднее русские не отмечали в данном регионе никаких других тунгусских общностей, кроме родов, и никаких других вождей, кроме родовых князюв. Ни в архивных источниках, ни в литературе, ни в фольклоре нет сведений о существовании у местных тунгусов племенных советов, племенных вождей и шаманов.

В схеме Анисимова можно усмотреть и некоторые фактические несообразности. Так, например, роды Чемдаль и Момоль принадлежали, как он пишет, к одной фратрии в племени Чемдаль. Между тем, судя по фольклорным материалам, эти два рода постоянно враждовали и даже воевали друг с другом (см. ниже).

Следует добавить также, что к приходу русских, т. е. в первой половине XVII в., тунгусское население бассейна Подкаменной Тунгуски было очень немногочисленным и непостоянным. Русские упоминали там чаще всего представителей родов Кондогир, Нюрумняль и Чапагир (первые два рода обитали в верхнем течении Нижней Тунгуски, третий — в среднем течении Ангары)⁸. Появление значительного тунгусского населения на Подкаменной Тунгуске связано с сельскохозяйственным и промысловым освоением Ангары и относится к более позднему времени.

Вопрос о том, где и когда могла сложиться фратриально-племенная структура подкаменно-тунгусских эвенков, нарисованная Анисимовым, остается открытым.

В данной статье мы хотим привлечь внимание читателя к небольшой группе эвенкийских родов, живших в XVIII—XIX вв. в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски. У этой группы было общее название, и она обладала рядом признаков племени. Мы имеем в виду так называемых *ганальчей* исторических преданий эвенков Подкаменной Тунгуски.

⁵ А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, с. 107—122.

⁶ Там же, с. 122.

⁷ Б. О. Долгих. Племя у народов Севера.— «Общественный строй у народов Северной Сибири». М., 1970, с. 333.

⁸ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 163—166.

Прежде чем говорить о ганальчах, приведем некоторые сведения о двух главных родах этой группы — Куркагир и Момоль⁹.

Род Куркагир был в прошлом территориально и административно связан с Ангарой. Эвенкийский поэт Алексей Салаткин в стихотворном переложении одного из преданий эвенков верхнего течения Нижней Тунгуски сообщает, что некогда на стойбище эвенков рода Лонтогир напали «куркэгиры». Перебив мужчин, они забрали женщин и детей и возвратились «к своей стоянке, к Ангаре»¹⁰. Судя по сюжету, описанное Салаткиным событие произошло в конце XVII или в начале XVIII в.

Появление куркагиров в ясачной документации русских относится к 1820-м годам, когда было создано три административных куркагирских рода¹¹, приписанных к одному из селений ангарских крестьян. По переписи 1897 г., в трех куркагирских родах насчитывалось 666 человек¹².

В конце 1920-х годов куркагиры жили на Подкаменной Тунгуске близ факторий Кузюмовка, Байкит, Бачинская, а также в междуречье Подкаменной и Нижней Тунгусок.

По данным Приполярной переписи 1926—1927 гг., собственно куркагиров было всего 25 семей — 151 чел. (вместе с женами из других родов)¹³. Следовательно в составе трех административных куркагирских родов они занимали весьма скромное место.

По нашим полевым материалам, в существовавший в начале 1930-х годов Куркагирский кочевой совет входили представители всего трех родов: Момо (Момоль), Кочени (Кочениль) и Хорбо (Хорболь).

Б. О. Долгих считал, что куркагиры с рядом родственных им родов объединялись в отдельное племя, которое он назвал «племя Чапагир (куркогирские тунгусы)». В этом племени он выделял кроме рода Куркагир роды Дюронголь, Лопаль, Кочониль, Хорболь, Момоль, Челколь и Лопоколь. Общая численность племени, по мнению Б. О. Долгих, составляла в 1926—1927 гг. 256 хозяйств — 1461 чел.¹⁴ Как видим, эти цифры намного больше общей численности административных куркагирских родов периода 1897 г.

Нам представляется несомненным лишь родство куркагиров и дюронголей. Последних, по данным Приполярной переписи 1926—1927 гг., было 37 семей — 218 чел.¹⁵ Большинство дюронголей кочевали в составе Байкитской территориальной группировки эвенков, где не выявлено ни

⁹ К приходу русских у тунгусов было большое количество родов, для названий которых типичен суффикс *гир*. Разумеется, не все тунгусские роды были в XVII в. исконными, или первичными. Определенная часть их являлась новообразованиями, или вторичными родами. Частым способом образования вторичных родов у тунгусов было структурное выделение в первичном роде патронимии, представляющей собой группу сородичей, ведущих свое происхождение от конкретного, обычно хорошо известного всем предка. Таким вторичным родом был, в частности, род Момочар в составе ганальчей.

¹⁰ А. Салаткин-Лонтогир. Гегдаллуон и Ульгоррикон. — «Звезда», 1939, № 4, с. 115.

¹¹ Административный род — это группа плательщиков ясака, образованная русской администрацией из частей одного или нескольких родов, находившихся в сфере притяжения того или иного зимовья (см. Ч. М. Таксами, В. А. Туголуков. Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XX в.). — «Социальная история народов Азии». Л., 1975). Следовательно, административные куркагирские роды могли объединять членов не только рода Куркагир, но и других родов.

¹² С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1, в. 2. СПб., 1906, с. 164, 165.

¹³ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народностей Средней Сибири. М., 1946, л. 674. Канд. дис. (рукопись). Хранится в Архиве Ин-та этнографии АН СССР (далее — Б. О. Долгих. Канд. дис.).

¹⁴ Там же, л. 673, 674. Любопытно сравнить состав куркагирского племени у Б. О. Долгих и у А. Ф. Анисимова. Последний называет роды: Куркагир, Лупаль, Дюрго, Ятояль, Челколь, Момочар, Хорболь, Санягир (А. Ф. Анисимов. Указ. раб., с. 107). Роды Дюронголь и Лопаль у Долгих и Дюрго и Лупаль у Анисимова можно считать идентичными. Оба автора, очевидно, исходили из принадлежности части названных родов к административным куркагирским родам, что, однако, не всегда может служить надежным критерием установления между ними генетических связей.

¹⁵ Б. О. Долгих. Канд. дис., с. 674.

одного куркагира. Поэтому дюронголи Байкитской группировки фактически представляли куркагиров. С учетом данного обстоятельства численность рода Куркагир вместе с его ответвлением Дюронголь составляла в 1926—1927 гг. 62 семьи — 369 чел.

Название Дюронголь образовано от личного имени тунгуса Дюрунга, жившего, вероятно, в начале XVIII в. В предании говорится: «Момочо, отец Пачаки, пришел к Дюрунге свататься. Момочо взял девушку у Куркогириков, а Момоли отдали Куркогирам свою девушку»¹⁶. Из текста ясно, что Момочо представлял момолей, а Дюрунга — куркагиров. В дальнейшем потомки этого Дюрунга образовали особую патронимию, которая позже могла превратиться в отдельный, вторичный род. Однако этого, видимо, не произошло. В литературе, за исключением работы Б. О. Долгих, не упоминается о таком роде.

В 1926—1927 гг. в «роде» Дюронголь, по данным Б. О. Долгих, была патронимическая группа с фамилией Гаюльский, насчитывавшая 14 семей—97 чел.¹⁷ Согласно данным Г. М. Василевич, «род» Гауул выделен из рода Куркагир «4—6 поколений назад»¹⁸. Имя Гауул находим в материалах ясачной переписи 1768 г. Там в «списке» «Чивчигирского или Чимжалского рода» упоминается 13-летний мальчик по имени Гауул. В том же списке значится и имя Джекуул¹⁹, сопоставимое с другой патронимической группой в составе куркагиров периода 1926—1927 гг.—Дженкоул. Приведенные факты позволяют предположить, что отсутствовавший в сводках XVII—XVIII вв. о ясачном населении Ангары и Подкаменной Тунгуски род Куркагир существовал под названием не то Чивчигирского, не то Чимжалского рода. Название Куркагир было восстановлено в 1824 г. енисейским губернатором А. П. Степановым как древнее и утраченное. Данная ситуация с этнонимами может свидетельствовать о том, что куркагиры около середины XVIII в. были административно присоединены к одному из ангарских родов, как-то связанных с чапагирами. При этом Чимжалский род соответствует, видимо, уже упоминавшемуся Чемдальскому роду (Чемдаль).

Возвращаясь к Гаюльским, отметим, что во время нашей полевой работы в Байкитском р-не Эвенкийского округа (1962 г.) эвенки, носившие эту фамилию, считали себя куркагирами. Таким образом, данная патронимия так и не превратилась в отдельный род.

Род Момо (Момоль) имел значительно больший, чем другие роды, удельный вес в составе административных куркагирских родов, хотя в дореволюционной ясачной документации он вообще не упоминался. Во время Приполярной переписи 1926—1927 гг. момоли жили не только на Подкаменной Тунгуске, но также на Нижней Тунгуске (в ее верхней части), на левобережье Ангары и на правобережье Лены (Мамско-Чуйская территориальная группировка). Всего их насчитывалось 133 хозяйства — 716 чел. В состав реконструированного племени «Чапагир (куркогирские тунгусы)» Долгих включал в основном только момолей будущего Эвенкийского округа — 120 семей, 663 чел.²⁰

Этнографическим «гнездом» момолей современные эвенки считают местность возле фактории Муртай на среднем течении р. Чуни — правого притока Подкаменной Тунгуски. Известен ряд больших патронимий момолей — Баяки, Подпаленок, Маркаенок, Конаренок, Барбасенок и др.

¹⁶ «Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич». М.-Л., 1966, с. 300.

¹⁷ Б. О. Долгих. Канд. дис., л. 504, 507.

¹⁸ Г. М. Василевич. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем.— «Вопросы языка и фольклора народностей Севера», Якутск, 1972, с. 211.

¹⁹ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 214, кн. 1648, л. 52 об., 53 об.

²⁰ Б. О. Долгих. Канд. дис., л. 674.

Часть момолей в прежнее время была связана с Ангарой. В предании, записанном Г. М. Василевич от полигузовского эвенка П. Баяки, сообщается: «Прежде момоли жили в районе Кежмы. В Кежме платили ясак. Часть их с Баяканом пришла сюда... Придя, они стали называться Баяки»²¹.

Б. О. Долгих полагал, что род Момоль идентичен роду Мамагир, некогда обитавшему на левобережье нижнего Витима²². Г. М. Василевич решительно возражала против такого предположения. По ее мнению, «род Момо выделился из древнего рода ангарских тунгусов — Кима»²³. Василевич ссылалась на опубликованное ею предание «Олени», однако в этом предании говорится лишь о том, что «Некоторые Момоли прежде были (из рода) Кимол»²⁴. Нужно также иметь в виду, что род Кима не нашел отражения в русских документах XVII и XVIII вв., относящихся как к Ангаре, так и к другому региону. Его можно лишь условно сопоставлять с Кипанской (Киманской?) волостью тунгусов, упоминавшейся возле устья Ангары в начале XVII в.²⁵

Предпочтительнее, по нашему мнению, точка зрения Б. О. Долгих. Мы считаем, что этноним Момо представляет собой местный фонетический вариант древнего этнонима Мамагир (Мамагир), носители которого зафиксированы не только в бассейне Витима²⁶, но также на Вилюе и Нижней Тунгуске (род Маугир). Согласно преданию, записанному в первой половине XVIII в. Яковом Линденау, тунгусские роды Мамагир и Джурумджал (Нюрумняль), встретив на Вилюе первых якутов, продали им землю у озера Тонбского за женщину с полным комплектом праздничной одежды и 20 кобылиц²⁷. Мамагир, Мамагор, Мамагур — личные имена, встречающиеся у якутов XVII в.²⁸, также указывают на то, что мамагиры находились среди тех тунгусов, которые были частично ассимилированы якутами в процессе расселения последних по территории современной Якутии.

Из предания, записанного С. М. Широкогоровым у баргузинских тунгусов, видно, что они в древности воевали с народом мамагир или мамухир, жившим к северу от них, в пределах Якутии. Война шла до тех пор, пока мамагиры не были оттеснены баргузинскими тунгусами в направлении большой реки, подобной Лене, «где садится солнце»²⁹, т. е., очевидно, в направлении Ангары, текущей на запад.

Таким образом, мамагиры оказались среди тунгусов Ангары, которые в течение XVIII—XIX вв. все время смещались к северу (вследствие сельскохозяйственного освоения долины Ангары русскими крестьянами) и в конце концов оказались на Подкаменной Тунгуске или еще севернее. При образовании в 1820-х годах административных куркагирских родов мамагиры были, вероятно, включены в один из них и вместе с куркагирами и другими родами ангарских тунгусов «обнаружены» Приполярной переписью под названием рода Момоль в пределах современной Эвенкии. Трансформация Мамагир→Момоль не представляет чего-либо из ряда вон выходящего; подобное превращение испытали на себе и многие другие родовые этнонимы, например: Челкогир→Челколь, Ятоягир→Ятояль и т. д. Замена типичного для родовых этнонимов тунгусов суффикса *-гир* на *-ль*, с тем же значением множественности, характерная

²¹ «Исторический фольклор эвенков», с. 381. Кежма — русское селение на Ангаре.

²² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, с. 307.

²³ «Исторический фольклор эвенков», с. 357.

²⁴ Там же, с. 290.

²⁵ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М., 1941, с. 45, 250, 259.

²⁶ Местность по левому притоку Витима — р. Мама была, вероятно, родиной мамагиров.

²⁷ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, л. 151, л. 99.

²⁸ «Материалы по истории Якутии XVII века». М., 1970, с. 86, 87, 298, 299, 306 и др.

²⁹ S. M. Shirokogoroff. Social organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929, p. 58.

для данного региона, еще не получила должного лингвистического объяснения. Но в основе этой метаморфозы лежит, на наш взгляд, значительная смешанность местных эвенков с жившим здесь до них населением, повлекшая за собой ряд изменений в культуре и языке.

Взаимодействие мамугиров (момолей) с куркагирами в рамках административного рода или независимо от него, видимо, привело к установлению между обоими родами очень тесных отношений свойства и взаимопомощи. Куркагиры и момоли, как свидетельствует предание, «обменивались женщинами» и на войне выступали как единое целое. Показательно, что предания не сообщают о сражениях куркагиров с чемдалями (как показано выше, те и другие были, очевидно, связаны узами родства); при конфликтах чемдалей с момолями куркагиры либо занимали нейтральную позицию, либо выступали на стороне момолей³⁰.

О становлении особой этнографической группы в составе куркагиров и момолей исторические предания сообщают достаточно определенно: «Прежде жили ганальчи. У нас (в низовьях Чуни) жили куркагиры и момоли, других не было. Уже позже пришли кочонили, хорболи и лопоко. Они стали ганальчами»³¹.

Данное сообщение указывает на то, что со временем родовой состав ганальчей был расширен за счет включения новых родов. Это, однако, случилось не сразу: было время, когда «люди Пачаки» (момоли) убивали у хорболей оленей себе на еду. Так же поступали момоли, при сонинге (военном вожде) Ульбимчо, с членами рода Кордуй, позднее упоминаемого в составе ганальчей³².

Анализ материалов, относящихся к родам Кочени, Лопоко и Хорбо, не дает оснований рассматривать их как генетические ответвления от куркагиров и момолей. Род Лопоко восходит к древнему роду Лапагир, известному на Ангаре в XVII в. Род Кочени является ответвлением от Лопоко. Род Хорбо, вероятно, сформировался в районе, расположенном к северу от Подкаменной Тунгуски. Род Кордуй в одном из преданий изображается как отпочкование от куркагиров³³, однако поведение момолей по отношению к его членам противоречит данному сообщению. Несомненно отделился от момолей только род Момочар (также упоминаемый преданиями в составе ганальчей), ведущий свое начало от сонинга Пачаки. Сам Пачаки еще считался момодем³⁴.

О каких-либо изменениях в социальной жизни ганальчей, в связи с функционированием их как единого целого, эвенкийский фольклор не сообщает. Каждый из родов, входивший в их состав, по-видимому, полностью сохранял свою автономию; у каждого рода были свои сонинги³⁵ и шаманы. Но некоторые особо выдающиеся сонинги выступают в фольклоре не только как руководители воинов своего рода, но и как военные вожди ганальчей в целом. О преемнике Пачаки — сонинге Ховоко (из рода Момочар) прямо сказано, что он «был сонингом у ганальчей»³⁶. То же сообщается о его преемнике — сонинге Сергунго³⁷.

На сонинге Сергунго эпоха ганальчей заканчивается. В фольклоре это иногда связывается уже с Ховоко: «Это было после Ховоко, после ганальчей»³⁸.

Эпоху ганальчей можно предположительно датировать первой половиной XVIII — началом XIX в. По своему содержанию, отраженному в фольклоре, эта эпоха в истории эвенков Подкаменной Тунгуски напоми-

³⁰ «Исторический фольклор эвенков», с. 296.

³¹ Там же, с. 295.

³² Там же, с. 289.

³³ См. там же, с. 381.

³⁴ Там же, с. 289.

³⁵ Там же, с. 289—291.

³⁶ Там же, с. 286, 290.

³⁷ Там же, с. 301, 302.

³⁸ Там же, с. 293.

нает нам период военной демократии у древних германцев и других народов. Содержание эпоса, относящегося к ганальчам,— межродовые столкновения. Ганальчи воюют с соседними родами, а также с чемдалями, жившими выше их по течению Подкаменной Тунгуски, и с нюрумняями — обитателями верхнего и отчасти среднего течения Нижней Тунгуски. Войны ведутся ради захвата чужих оленей на мясо, ради мести за убийство сородича, для приобретения женщин. «Они (эвенки.— В. Т.) тогда часто обижались друг на друга. Убьют свата — начинается война». «В боях убивали мужчин, забивали оленей, а женщин забирали себе». Войны велись с помощью луков и железных мечей³⁹. Само эвенкийское слово ганальчи означает «стрелок из лука», от *гана* — «стрела»⁴⁰.

Самый первый из сонингов ганальчей Пачаки знал русский язык (научился его понимать). После Пачаки эвенки познакомились с табаком. Пачаки, наказанный русской администрацией железными прутьями за избивание чемдалей, назначается той же властью «князем»⁴¹, т. е., как видно, старостой (князцом) своего рода. Данное назначение должно было положить конец междоусобицам у тунгусов, но окончательно межродовые столкновения прекратились лишь после сонинга Сергунго (от русского Сергей).

Были ли ганальчи племенем? Мы полагаем, что нет. Этноним ганальчи не засвидетельствован историческими документами и не сохранился в памяти эвенков как название племени, объединявшего куркагиров, момолей и членов ряда других родов. По своему значению термин ганальчи, как нам представляется, мало подходит для племенного названия, ибо не содержит чего-либо специфического именно для данной группы людей. Так могли называться любые тунгусские роды или объединения родов до появления огнестрельного оружия.

Наше предположение подтверждается свидетельством современных эвенков Илимпейского района Эвенкийского автономного округа, предков которых фольклор Подкаменной Тунгуски называет нюрумняями (с ними, как уже упоминалось, сражались куркагиры и момоли). По словам пожилого эвенка Т. И. Эмидака (1977 г., пос. Эконда), в старину «все эвенки были ганальчами», т. е. стрелками из луков. Другой наш информатор, Е. Д. Хукочар (пос. Тутончаны), утверждает, что термин ганальчи в прошлом служил общим названием эвенков, потому что они охотились с луком.

Стоит также добавить, что ниже пос. Нидым в Нижнюю Тунгуску слева впадает р. Ганальчик. Автор одного из сочинений о приенисейских тунгусах, А. Мордвинов, называл эту речку Канальчихой и сообщал, что, по преданию, на ней и на р. Убойной в прошлом произошла кровопролитная битва между Чапогирской, Таймурской и Илимпейской «ордами» тунгусов⁴². Из названных этим автором «орд» две — Чапогирская и Илимпейская — обитали на Нижней Тунгуске, а Таймурская «орда» — на ее левом притоке — Таймуре. Иными словами, в сражении, по-видимому, участвовали только местные тунгусы, и поэтому название р. Ганальчик не обязательно связано с ганальчами Подкаменной Тунгуски.

Чтобы закончить с термином *ганальчи*, следует добавить еще одну деталь, о которой раньше здесь говорилось мимоходом. Упомянувшийся уже Е. Д. Хукочар, разъясняя нам в 1977 г. значение этого термина, заметил как бы между прочим, что в ту эпоху, когда жили ганальчи, у эвенков почти не было оленей. Аналогичное известие о ганальчах мы

³⁹ «Исторический фольклор эвенков», с. 290, 291.

⁴⁰ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. 1. Л., 1975, с. 139.

⁴¹ «Исторический фольклор эвенков», с. 295, 296.

⁴² А. Мордвинов. Инородцы, обитающие в Туруханском крае.— «Вестник РГО», ч. 28. СПб., 1860, с. 38.

встречаем и в преданиях эвенков Подкаменной Тунгуски: «Оленными (эвенки) стали после Пачаки, после прихода русских»⁴³.

Конечно, к этому высказыванию нельзя относиться с полным доверием, но все же можно считать, что лет 200—300 назад местные эвенки были малооленными и существовали почти исключительно за счет охоты.

Это обстоятельство еще более повышает значение для того времени искусных охотников и воинов — стрелков из лука. Поэтому термин ганальчи для самих эвенков — это название не только стрелков, но и всей связанной с ними эпохи. Эта эпоха предшествовала появлению у эвенков огнестрельного оружия.

Чем же объяснить то, что термин *ганальчи* предания относят лишь к определенной группе родов, обитавших в среднем и отчасти нижнем течении Подкаменной Тунгуски? Мы полагаем, что это могло быть связано с большей агрессивностью куркагиров, момолей и близких им родов по сравнению с другими родами эвенков.

Нужно иметь в виду также следующее обстоятельство. Кеты, живущие в самых низовьях Подкаменной Тунгуски, в прошлом славились искусством изготовления боевых луков и стрел, обладавших большой силой боя. Ганальчи, без сомнения, получали от них такие луки и стрелы. В предании о сражении Пачаки с чемдалями подчеркивается высокое качество стрел: «Пачаки перестрелял все свои стрелы, подсчитал — только три осталось. Одна стрела у него была дятловая. Выстрелил он в колено Чемды. [На колене] на железной пластинке образовалось отверстие»⁴⁴.

Стрелы с «дятловым оперением» имелись у полулегендарных обитателей Ангары, именуемых в эвенкийском фольклоре *чулугды*. Последние достаточно хорошо идентифицируются с дотунгусским населением этой реки — кетоязычными асанами и коттами. В одном из русских документов 1685 г. сообщалось, что тунгусы торгуют с «чюлюгдеями»: «Приносят де тунгусы на их дороги... дятловое птичье перье и то де перье втыкают они [тунгусы] около лиственничного дерева в лиственничную кожу, а те де чюлюгдей, пришед, то перье емлют без них, тунгусов, а тем де тунгусам вместо того на то ж место стрельные всякие птицы кладут и посуду своего дела»⁴⁵.

Может быть, более высокое качество луков и стрел у куркагиров и момолей и позволило им занять господствующее положение среди тунгусского населения Подкаменной Тунгуски, и это в свою очередь могло отразиться в исторических преданиях, в которых термин ганальчи относится преимущественно к двум этим родам и их ближайшим союзникам. История ганальчей указывает, по нашему мнению, на то, что они представляли собой не особое племя, а временное объединение родов, живших в районе Подкаменной Тунгуски.

Небезынтересно заметить, что потомки ганальчей были в 1920-х годах самыми богатыми оленеводами в южной части современного Эвенкийского автономного округа. В роде Момоль на 133 семьи приходилось 10 237 оленей, в роде Куркагир (вместе с патронимией Дюронголь) на 62 семьи — 5202 оленя, в роде Кордуяль на 18 семей — 1960 оленей⁴⁶.

Таким образом, бывшая воинственность малооленных ганальчей имела своим следствием вполне конкретные результаты.

⁴³ «Исторический фольклор эвенков», с. 290.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1888, с. 3, 4.

⁴⁶ Б. О. Долгих. Канд. дис., л. 321, 496—614.